

А.А. МУРАШОВ

КУЛЬТУРА
РУССКОЙ РЕЧИ
(ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ
КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА)

*Книга посвящается
друзьям Сергея.
Всем тем, кто старается
говорить грамотно и точно,
ясно и выразительно,
логично и интересно.*

Москва
Народное образование
2020

УДК 808.5
ББК 81.2Рус-5
М 91

Рецензенты:

Цейтлин Стелла Наумовна — доктор филологических наук, профессор (Россия; Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена);

Антонова Светлана Михайловна — кандидат филологических наук, доцент (Беларусь; г. Гродно, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы);

Грибанская Елена Эдуардовна — кандидат педагогических наук, доцент (Россия; Москва, Российская академия правосудия; профессор кафедры русского языка и культуры речи);

Рингблом Наталия Евгеньевна — доктор философии (Швеция; Стокгольм, Стокгольмский университет, лектор кафедры славистики).

Мурашов А.А.

М 91 Культура русской речи: филологические знания как образовательная парадигма. 2-е изд., стереотипное. — М.: Народное образование, 2020. — 368 с.

ISBN 978-5-521-76511-9

Книга представляет собой теоретическую часть комплекта, отражающего авторскую концепцию курса и предназначенного для работников образования и СМИ, обучающихся в системе повышения квалификации.

Читатель знакомится с основными понятиями культуры речи — она рассматривается как нормативность и целесообразность речи; затрагиваются и функциональные области науки. Нормативная сторона культуры речи предполагает знакомство с нормами языка (нормы орфоэпии, фонетики, лексики, грамматики), с видами и характером ошибок, эти нормы нарушающих. Глава о целесообразности знакомит с речевыми качествами: точностью, ясностью, логичностью, уместностью, чистотой, краткостью, выразительностью. В главе, посвящённой функциональным областям науки, рассматриваются текст, его основные характеристики и его виды; анализируются стили языка и их функционирование в различных типах речи. Всё вместе формирует образовательную парадигму, заключающуюся в таком преподнесении информации, которое было бы максимально востребовано обучающимися: через сюжеты, яркие примеры, факты — именно так, как учитель сможет передать эти знания учащимся, лектор — слушателям. Филологические знания оказываются обращёнными к читателю-собеседнику, который в системе творческих интенций принесёт их в информационный блок собственного обращения к аудитории, выстраивая его содержательно, а также организуя риторически и психологически.

Каждая тема рассматривается на значительном фактическом материале, с изложением позиций учёных и мастеров художественного слова.

ISBN 978-5-521-76511-9

**УДК 808.5
ББК 81.2Рус-5**

Запрещается полное или частичное использование и воспроизведение текста в любых формах без письменного разрешения правообладателя.

© Мурашов А.А., 2020
© Народное образование, 2020

ВВЕДЕНИЕ

Много написано о колоссальной власти, которую имеет слово над человеком. Слово — это и боевая команда, ведущая к победе, и заклинание, влиявшее на судьбы отдельных людей и целых народов. Язык — фактор безопасности и самого существования общества и государства (не напрасно предки называли народы «языками»), а речь — воплощение языка в индивидуальном «я» каждого говорящего; из таких «я» общество и состоит. Язык объединяет культуру, обеспечивает социализацию и передачу знаний (в том числе о предметах, с которыми человек никогда не столкнулся бы непосредственно, — об атомах или о давних исторических эпохах), укрепляет сознание. А речь как некая сфера, которой причастен каждый, состоит из наших индивидуальных речевых актов и сигналов; эти сигналы, возможности совершенствовать речевую деятельность, предстоит изучить в курсе культуры речи.

В XXI век человечество вступило после крупнейшей из революций, определившей его духовный облик, — революции информационной. Это значит, что человек, идущий по улице и ведущий при этом диалог с любой точкой планеты, — не фантастика: давно стали обычным атрибутом нашей жизни мобильные телефоны, а на экране планшета, где бы человек ни находился, мгновенно окажется любая интересующая его информация, которую, возможно, составили на другом конце света. Интернет стал единой информационной паутиной, опутывающей планету, и незаметно для окружающих человек через миниатюрный нетбук может отправить и получить любую информацию, шествуя в уличной толпе или проносясь в вагоне метро. В этом процессе главное — скорость, а о том, что, собственно, стало основой информационной цивилизации, — о языке, о его подобающем облике, — заботиться зачастую некогда.

Между тем язык компьютера для повседневного общения непригоден; он ведёт к квазидialogу, то есть подмене собеседника машиной, полному неумению общаться, к разрушению и отдельной личности, и цивилизации в целом. Достижение обернулось своей антитезой: чем больше появляется средств общения, тем реже встречается собственно общение; чем меньше под воздействием пришедших в каждый дом электронных СМИ остаётся диалектных и просторечных речевых элементов, — тем большему натиску подвергается речь современника со стороны ненормативной стихии, разрушающей в первую очередь сознание, делающей человека инфантильным и бездуховным, а его речь — примитивной.

Безграмотность встречается постоянно. Говоря о своей посадке в поезд («*Войдя в вагон, он тронулся*»), пассажир неверно согласует деепричастный оборот с другими словами в предложении. Юрист сообщает о «*злоупотреблении полномочиями частными нотариусами и аудиторами*», преподаватель рассказывает

о «работе студентки, лежащей на столе». Будут ли они поняты? Но если речь идёт только об одном звуке или одной букве? Не всё ли равно, *почерк* или *подчерк*, *одеть* или *надеть*? — Ведь для языка главное, чтобы сказанное можно было понять, а смысл здесь не нарушен... У истории есть ответ на этот вопрос.

Известно, что к восхождению на трон Наполеона, племянника чуть не покойного полмира «великого корсиканца», вышла листовка: «*Да здравствует Наполеон!!!*» — Именно так, с тремя восклицательными знаками, которые при подготовке текста были приняты служащим за римскую тройку. И появилось: «*Да здравствует Наполеон III*». — Наполеону ничего не оставалось, как и впрямь стать Третьим, хоть Второго и не было. Так династический вопрос был решён одним знаком. А Каховское водохранилище на Днепре из-за опечатки попало в Книгу рекордов Гиннеса как самое объёмное: количество воды в нём, равное 182 кубическим километрам, превышало аналоги во всём мире. Однако только на бумаге: на самом деле воды в Каховском водохранилище, полноводном, но отнюдь не наиболее крупном в мире, — 18,2 кубических километра. Ей, опечатке, мы обязаны и возникновением слова «зенит»: в тексте над арабским *semt* появилось нечто вроде точки, что и было прочитано как *senit*. То же — со словом «муссон»: В.В. Одинцов, автор книги «Лингвистические парадоксы» (М., 1982), напоминает, что слово это пришло из английского *monsoon*, а при печатании буква «п» перевернулась, образуя «и». Опечатка привела к ошибке, закрепившейся в языке.

Ошибка — или отражение неверной информации, или неточная реакция на неё, которая может оказаться чреватой разными последствиями. Всем, к примеру, известен «Моисей» — гигантская скульптура Микеланджело. Но мало кто задавался вопросом: откуда у библейского героя... рога?! Его мраморная фигура, передающая момент крайнего напряжения, концентрации духовных усилий, приходит в очевидный диссонанс с таким «украшением», воскрешающим образы совершенно иного ассоциативного ряда. Почему Микеланджело изобразил рога? В.В. Одинцов отвечает на этот вопрос:

«Это многих удивляет. Во всём виноват латинский перевод библии. Латинское *cor(о)natus* — “сияющий, окружённый сиянием, лучами”; *coronatum* — “венчать, украшать венком” было подменено другим: *cornutus* — “рогатый”; *cornus* — “рог”. А Микеланджело воссоздал эту ошибочно возникшую деталь в облике Моисея».

(Одинцов В.В. Лингвистические парадоксы. — М., 1982. — С. 13)

Каждый видит и воспринимает мир как систему обращённых к нему сообщений и вопросов, суждений и ответов; «языковые очки» стали непременным посредником между миром и человеком. Возникший для информирования, самовыражения, но в первую очередь — для коммуникативных целей (то есть для общения), язык означает тот мир, который окружает людей. Экспрессивная роль языка — его возможность выразить то, что владеет человеком. А всё это осуществляется благодаря речи, вочеловеченному языку, чьё осмысление предстоит.

Речь воочеловечивает языковые знаки. Воплощаясь в речи, язык раскрывает свои потенциалы, персонализируется, рассыпается многочисленными спектрами, образованными состоянием духа и плоти говорящих и слушающих. Он был орудием мышления — теперь он стал воплощением созидающей мысли, речевого поведения. В лингвистическом обиходе прочно утвердилось понятие «языковая личность» — когда человек встроен в язык, и результатом этой встроенности оказывается речь, избирающая из языковых средств те, которые нужны для конкретного действия в конкретный момент. Происходит эволюционный скачок, обозначивший зарождение и развитие сознания, не просто взаимодействие личности и языка, но такое, при котором «человек говорящий» активно воздействует на собеседника, сообщая информацию или побуждая к определённым действиям. Человек получает умение управлять языковыми потенциалами, оптимизировать их в контексте поставленной задачи, которая реализуется в процессе общения. При помощи языка человек обретает власть над природой; *речь* знаменует овладение человека языковыми ресурсами.

Практика функционирования языковых норм приводит к их изменениям. Так, речевое оглушение привело к написанию «*лестница*» (хоть историческая база — «лезть»), старомосковское произношение породило и «*двурушника*» в постоянном обиходе (ср.: «ручной», «ручник»), и «*Алексевну*» у мастеров слова. Слово «*кофе*» столь активно функционирует в живой речи как существительное среднего рода, что «Русская грамматика» 1980 г. вынуждена была сообщить о расширении нормы языка: «Слово кофе относится к муж. р.: чёрный кофе, но допустимо употребление этого слова и в сред. р.: сгущённое кофе с молоком» [132. Т. 1. С. 469]. Так изменения, происходящие в речи, влияют на нормативный строй языка.

Культура речи — это а) характеристика речи; б) филологическая дисциплина; в) образовательная парадигма, означающая развитие человека в качестве языковой личности, то есть реализующая коммуникативную компетенцию — одну из ключевых в современном мире.

В разговоре о культуре речи учтены реальные предпосылки овладения информацией, личностно актуальной для каждого, ставится своего рода задача, решение которой означает восхождение человека на более высокий уровень развития. Так филологические знания оборачиваются технологией формирования языковой личности, а ответ на вопрос: «Что такое культура речи?» — возможностью ответить на следующий, исключительно актуальный сегодня: «Как сделать культуру речи достоянием человека?». Наука должна быть обращена к человеку как собеседнику, а не как к потребителю информации, — в этом концептуальный смысл книги и курса.

Система знаний по культуре речи включает несколько частей. Это, во-первых, «*Нормативность (грамматическая правильность) речи*», связанная с соответствием высказывания нормам современного русского литературного языка; во-вторых, «*Целесообразность речи*», то есть достижение различных качеств речи (это точность, логичность, ясность, уместность, выразительность, чистота, краткость) в зависимости от коммуникативной задачи и условий, предполагаемых си-

туацией и взаимоотношениями собеседников. *Функциональные стороны* культуры речи предполагают информацию о создании текста при обращении к разным стилям языка, к разным наукам (среди них — теория текста, стилистика, риторика, семиотика), о публичном выступлении, участии в дискуссии. Эта информация в наибольшей мере обращена к науке как образовательной парадигме, в самом предъявлении учитывающей возможность заинтересованного отклика как подлинного освоения фактов и суждений.

Речь находится ещё и в ведении *риторики*; обе научные дисциплины обращены к становлению коммуникативной компетенции человека, то есть его умения общаться. Но между ними немало различий.

Культура речи формирует грамотного коммуниканта, чья речь нормативна, точна, логична, ясна, в то время как риторика создаёт коммуникативного лидера, располагающего возможностями выразительной и действенной речи. Обращённость к формированию коммуниканта делает культуру речи не только филологической наукой, но и образовательной парадигмой, в основе которой — системное освоение информации через использование актуальных для воспринимающего сюжетов, примеров и аналогий.

Базисом культуры речи является нормативность, жёсткие нормы языка, базис риторики — целесообразность речи, её своеобразие в конкретной аудитории.

Культура речи обращена к взаимодействию личности и языка (оно и образует речь), риторика — к личности в процессе говорения — общения — восприятия, то есть к специфике отношений личности и речи.

Культура речи сфокусирована на речи как таковой, риторика — на возможностях речи в разных контекстах и ситуациях, на психологии общения, вербальных и невербальных средствах целесообразного публичного взаимодействия.

Задача, которую ставит говорящий перед собой как языковой личностью и которая сообщается аудитории, формулируется при помощи культуры речи. Риторика обращена к сверхзадаче, смысл которой — мотивация, скрытый призыв действовать определённым образом (сверхзадачу аудитории обычно не сообщают).

Центральной проблемой культуры речи является *речевая ошибка*, возникающая из-за незнания нормы языка или игнорирования этой нормы в речевом поведении. Ошибочной может оказаться и речь, пренебрегающая требованиями логичности, ясности, краткости и других качеств. (Обратим внимание: отступления от такого качества, как действенность речи, составляют компетенцию не культуры речи, а риторики!) Образовательная парадигма, заключающаяся в преподнесении личностно актуальных филологических знаний, предполагает разговор с каждым о его ошибках и выстраивание информационных векторов, способствующих их преодолению. В риторике, стилистике, имиджелогии также рассматриваются ошибки; но только в культуре речи они могут быть подвергнуты анализу как нарушение конкретных уровней языка (фонетика, лексика, словообразование, морфология, синтаксис), в пределах одного слова или сочетания слов.

Проблемой культуры речи является и *двусмысленность*, в основе которой далеко не всегда ошибка. Из газет: «Заря занялась над деревней. Она невзрач-

ная, серая, убогая». — Местоимение «она» относится, в соответствии с правилами синтаксиса, к ближайшему существительному, на которое это местоимение может указывать, — в данном случае это «деревня». И всё же двусмысленность налицо: здесь это противоречит не нормативности, а целесообразности употребления языковых единиц (точности и ясности речи).

Речевая культура — часть культуры народа, связанная с использованием языка (В.Е. Гольдин, О.Б. Сиротинина). Выделяют элитарную (то есть эталонную) речевую культуру, среднелитературную, а также литературно-разговорную и фамиллярно-разговорную. Функционирование двух последних типов в повседневной речи современников позволяет сделать вывод: русская речь находится сегодня в состоянии кризиса. Именно речь. Русский язык, даже под напором интенсивно входящей в него англоязычной лексики (*эквалайзер, бильд-редактор, баннер, постер, мерчендайзер* и т.д.), продолжает жить, развиваться и адаптировать новые слова к своим законам. В нестабильном состоянии — именно речь, «великое русское слово», отражающее сознательно- и индивидуально-психологические процессы, характерные для настоящего времени.

Деформирование норм языка, нашествие вульгаризмов и варваризмов, увы, стали атрибутами окружающего. Но свобода несовместима с одичанием, в том числе речевым. А проявление величия человека — не в расталкивании локтями и не в размахивании пистолетом, а в понимании своей ответственности за каждое слово — не только за то, что сказано, но и как сказано. И нет нормы речевого поведения, к которой вели бы речевые ошибки. Задача человека, приобщившегося к культуре живого слова, — показать привлекательность гуманистической идеи, необходимость и конечную социальную востребованность образованности и воспитанности как реализации культуры, в том числе речевой. Вспомним Бунина:

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.
И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бесценный — речь.

Избавить русскую речь от ошибок, просторечных и вульгарных форм (*пинжак, шоферá, тусняк* и т.д.), нецензурных и жаргонных слов в одночасье невозможно, как невозможно одномоментно изменить психологические приоритеты людей. Между тем человек не существует вне слова; словом, отношением к нему измеряется уровень духовности. А строить человека слова, языковую личность, предстоит психологу и журналисту, педагогу и политику.

Культура речи, как орфография, необходима для становления каждого. В особенности она необходима тому, чья профессиональная задача и чей главный

инструмент — речь. Кстати, «культурная» речь, то есть нормативная, целесообразная, соответствующая функциональным задачам (урок, лекция, статья в газете, программа на радио, выступление на совещании и т.д.), — рождается не только благодаря некоторой совокупности филологических знаний: она предполагает обучение, способное заинтересовать, обратиться к предмету, а значит, преподнести этот предмет в обращении к креативным потенциалам личности. Язык — система знаков, способствующая освоению информации из самых разных областей человеческой деятельности, а «культурная» речь становится технологически выверенным обращением к этим областям. Риторическую задачу решает специалист, организующий обучение языку в системе тех сюжетов, примеров и сведений, которые приводятся здесь и включаются в понятие «образовательной парадигмы»: они сделают освоение культуры речи личностно актуальным для каждого учащегося и студента. В чём суть этой образовательной парадигмы?

- В максимальном обращении к креативным потенциалам личности, при котором сказанное преподносится в широком культурно-историческом и филологическом контексте, позволяющем увидеть языковое явление с разных сторон, в различной интерпретации, в многообразии ситуаций и проявлений.

- В осмыслении культуры речи не только как информации, но и как средств, эту информацию актуализирующих, а значит, требующих риторического поведения при последующем изложении информации. Иначе говоря, эта наука — одна из многих; но она создаёт ресурсы для интерпретации других наук, создаёт инструментарий для их оптимального изложения и продуктивного усвоения.

- В самом построении книги: именно такое структурирование, учитывающее различные аспекты науки и разные сферы её функционирования, создаёт базис для системного восприятия курса и его последующего изложения в аудитории.

Само обращение к филологической науке через призму образовательных задач, интегрирующее культурно-исторический, риторический, методический моменты, оказывается технологией развития языковой личности и совмещённым ответом на вопросы: «Что такое культура речи?» и «Как сделать культуру речи достоянием человека?». Первый из этих вопросов рассматривает филологическая наука. На второй, являющийся ныне проблемой национальной и государственной безопасности, способны дать ответ технологии, которые построены на понимании культуры речи как образовательной парадигмы.

Культура речи как филологическая дисциплина — систематическое изложение информации, подчинённое уровням языка, качествам речи, коммуникативным задачам. Культура речи как образовательная парадигма — включение в эту систематичность факторов личностной актуальности и психологической заинтересованности, преподносимых в контексте современной риторики, которые предполагают не пассивное восприятие, а собственный аналитический отклик читателя, становящегося собеседником.

ГЛАВА 1

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

1.1. ЯЗЫК И РЕЧЬ. КУЛЬТУРА РЕЧИ КАК ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

В оный час, когда над миром новым
Бог склонял лицо своё, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом воздвигали города.

Н.С. Гумилёв

Колонка публициста

Культура речи, хранящаяся в каждом из нас как частица личности, нередко напоминает о себе среди имён и названий, которые могут оказаться неприемлемыми, если не отвечают представлениям об этой самой культуре и допустимости. А.О. Смирнова-Россет вспоминает:

«Имп. Николай Павлович велел переменить неприличные фамилии. Между прочими полковник Зас выдал свою дочь за рижского гарнизонного офицера Ранцева. Он говорил, что его фамилия древнее, и потому Ранцев должен переменить свою фамилию на Зас-Ранцев. Этот Ранцев был выходец из земли Мекленбургской, истый оботрит. Он поставил ему на вид, что он пришёл в Россию с Петром III и его фамилия знатнее. Однако он согласился на это прилагательное. Вся гарнизона смеялась. Но государь, не зная движения назад (в тексте — по-франц. — А.М.), просто велел Ранцеву зваться Ранцев-Зас. Свёкр поморщился, но должен был покориться мудрой воле императора».

(Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. — М., 1989. — С. 72)

Надо помнить: важным фактором культуры речи является наша общая культура, отказ от которой чреват непредсказуемыми последствиями.

Интернет сообщает: «Неизвестный оставил 130 тысяч долларов для пострадавших от стихии в японском туалете», — вероятно, там, в туалете, произошло бедствие, от которого пострадали люди? Из книги профессионала: «Он к понятию “лес” имеет в виду определённый рисунок». Всё понятно? Очевидно, что новые технологии создания текста, лавина книг, издаваемых небольшими тиражами, количество авторов, едва

ли не превышающее количество читателей, множество текстов Интернета — всё это обернулось неожиданным равнодушием к проблеме чистой и грамотной речи.

Проблема эта была всегда, тем более — применительно к такому богатому и сложному языку, как русский. Вот как на неё смотрят герои Марка Алданова:

«— А ведь слово “интеллигенция” выдумал почтеннейший Боборыкин, — сказал негромко Василий Степанович.

— Ничего подобного, оно встречается в “Анне Карениной”, — возразил Никонов.

— Нельзя говорить “ничего подобного”, — поправила Муся.

— Оставьте, пожалуйста, отлично можно... И потом, помните, ещё Столыпин сказал, что это только инородцев интересует, как можно и как нельзя говорить: мой язык, как хочу, так и говорю».

(Алданов М.А. Собр. соч.: В 6 т. — Т. 3. — М., 1993. — С. 34)

Конечно, есть некоторый снобизм у тех всезнающих людей, которые непременно укажут, «как надо говорить». Но и считать себя полноправным хозяином языка лишь потому, что ты говоришь на нём, также не пристало. Тем более сегодня, когда проблема сохранения нормы напрямую связана с проблемой сохранения культуры.

Ещё раз оценивающим взглядом посмотрим вокруг. В ряде случаев считают, что «дансер» звучит лаконичнее и «современнее», чем «танцор», что «купить в шопе» более благозвучно, чем привычная для нашего слуха форма. Когда-то в рассказе Юрия Яковлева подросток, возражая матери, утверждал, что «скадри мне чувиху» звучит более современно, чем «познакомь меня с девочкой». Теперь Алик (так его звали), если бы ему пришло в голову «гнать фуфлю на дискаче» или «отсусоливать баксы на плешке», оказался бы типа того «беспонтовым лошарой», ведь он не знал нынешней формулы: «Прибарыжь мне шушеру»! А иначе — «облом вышел бы»!

И вот пришло время нам самим обратиться к языковым секретам, которые становятся ощутимее в речи. Пришло время изучать речь, чтобы через некоторое время оказаться обладателями профессиональных знаний и умений.

Язык и речь. Функции языка. Общение

Язык и речь в системе координат человеческой цивилизации

Язык находится в основе семиотической (знаковой) системы, конкретизируемой речью; он пребывает «в коллективной душе», то есть социален. Язык — феномен сущностный, универсальный, внутренне присущий его носителю в потенции.